

Трансферы криминальной субкультуры в русской поэзии конца XX – начала XXI века

А. Бирих

ТРИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. К особенностям российского общества конца XX – начала XXI в. можно отнести трансферы криминальной субкультуры в повседневное сознание простых граждан. Причины этого явления различны. Во-первых, политические и социальные изменения последних десятилетий в Восточной Европе оставили отпечаток и на языке. Долгожданная свобода мнений и печати привела к тому, что в настоящее время всё новые и широкие слои общества, использующие различные субстандартные языковые разновидности, принимают участие в общественном дискурсе. Во-вторых, распространению криминальной субкультуры способствовало и противостояние с собственным прошлым: депортации, Гулаг и сталинские репрессии стали с 1990-х гг. «модной темой» для прессы и литературы. Появилось большое количество научных трудов, романов и мемуаров жертв репрессий, посвящённых теме тюрем и лагерей. Благодаря этим книгам, бесчисленным гангстерским фильмам, телесериалам о милиции и бандитах, криминальным романам, читаемым представителями всех социальных слоёв, полов и возрастных групп, а также языку прессы и выступлениям общественных деятелей многие выражения тюремного, лагерного и воровского арго вошли в разговорный язык. Не является исключением из описанного явления и русская поэзия конца XX – начала XXI в., содержащая большое количество жаргонизмов и арготизмов. В статье подробно рассматривается использование арготической лексики в совре-

Бирих А. Трансферы криминальной субкультуры в русской поэзии конца XX – начала XXI века // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 26–39.

менной русской поэзии, отражающее трансферы криминальной субкультуры в поэтический язык.

Ключевые слова: трансфер, криминальная субкультура, арготизмы, современные поэзия, стилистическое употребление арготизмов.

УДК 81

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-26-39

Контактная информация: Бирих Александр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии (языковедение), Институт славистики, Трирский университет (Universität Trier, FB II – Slavistik, Campus I, DM 125/6, D-54296 Trier, bierich@uni-trier.de)

Характерной особенностью современного российского общества является широкое распространение криминальной субкультуры, элементы которой можно легко найти в повседневной жизни обычных граждан, в высказываниях политиков, в прессе, художественной литературе, кино и т. д. Практически каждый житель России, даже если он никогда не был связан с криминальной деятельностью, имеет определенные знания о тюремной или уголовной культуре. С ней он сталкивается, читая литературные произведения, слушая шансон, употребляя в своей речи арготическую лексику, используя модели поведения, рождённые тюрьмой и т. д. [Olejnik, 2005, S. 331]. Рассуждая о русской и советской литературе, В. Шаламов отмечал, что она «всегда изображала мир преступников сочувственно, подчас с подобострастием» [1998, с. 7]. Хотя это мнение и кажется мне абсолютизированным, тем не менее проявления симпатии или по меньшей мере интереса к криминальному миру со стороны далеких от него людей наблюдаются в большом количестве. Одно из них – популярность исполнителей «блатных» песен (Михаила Круга, Евгения Кемеровского, группы «Лесоповал», других представителей «русского шансона»), причем не только и не столько среди заключённых. Не менее показательны и широкое проникновение в разговорную речь элементов криминального арготического языка. Особенно в «лихие 90-е» в русский язык стало проникать огромное количество арготической лексики, восходящей к языку уголовного мира и деклассированных групп: уголовников, воров, мошенников, картёжных шулеров, заключённых, нищих, наркоманов и т. д. В большинстве случаев эта лексика в образной форме отражает мировоззрение уголовного мира, его философию и моральные установки, ценностные ориентации и нормы поведения, регламентирующие и упорядочивающие жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ, т. е. криминальную субкультуру. Так, например, глагол *тусоваться* 'приятно проводить время в компании', столь распространённый сегодня в молодежной среде, является старым

метафорическим арготизмом воров и наркоманов *тусоваться / тасоваться* (от *тасовать карты*) с синкретичным варьированием смыслов: 'тайно собираться в воровских компаниях', 'исчезать, быстро уходить откуда-л.', 'курить в компании' и т. д.¹

Заметно активизировалось употребление элементов арга и в выступлениях общественных деятелей; ср., например, устойчивое словосочетание *мочить в сортире*, использованное В. В. Путиным в одном из интервью, которое после этого стало чрезвычайно популярным. Это выражение возникло в результате эксплицирования арготизма *мочить* 'убивать или сильно избивать кого-л.' просторечной лексемой *сортир* 'отхожее место'. В криминальном арга отмечено целое гнездо слов с корнем *мок-*, обозначающим 'убийство с пролитием крови', ср., например: *мокрая*, *мокрота*, *мокруха* 'убийство', *мокрить*, *мокрушничать* 'убивать кого-л.', *мокрушник* 'убийца' и т. д. К нему примыкают также фразеологизмы с аналогичными значениями, ср. *мокрое дело* 'убийство', *идти на мокрую* 'совершать убийство' и т. д. В современной прессе выражение *мочить в сортире* употребляется обычно в значении 'жестоко, беспощадно расправляться с кем-л.'. С тем же значением оно отмечено и в современной русской поэзии:

Быть лидером
Мочить в сортире
 Не дать себе засохнуть...
 (Т. Кибиров. Инфинитивная поэзия /
 Кара-барас, 2006)

Что же является причинами такого широкого распространения арготической лексики? С одной стороны, это её повышенная экспрессивность, на что обратил внимание уже Б. А. Ларин (1928 г.), отмечая, что «арготические словечки и конструкции часто имеют такой эмоциональный и волевой заряд, какого литературные языки не имеют ни для кого, а уж менее всего для говорящих на арга» [Ларин, 1977, с. 187]. Арга отличается преобладание стилистически сниженной, грубой, вульгарной лексики и экспрессивно-оценочной, негативно коннотированной фразеологии, за которыми стоит система моральных и социальных ценностей преступного мира, противопоставленная системе ценностей всего остального общества.

В чём конкретно это проявляется? Нетрудно заметить, что большая часть арготической лексики и фразеологии концентрируется вокруг таких понятий, как «обокрасть», «огрбить», «убить», «ударить / избить», «доносить», «обмануть», «выпить», «изнасиловать», «употреблять наркотики», «вор», «проститутка» и др., т. е. именно тех, которые связаны с нарушени-

¹ Дефиниции арготических и жаргонных слов и словосочетаний, рассмотренных в статье, даются, как правило, по «Большому словарю русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [2000].

ем общепринятой морали. Такие семантические доминанты «обусловлены экстралингвистическими корнями арго, носители которого и своими действиями, и своей речью выражают протест против традиционной морали, презрение к правовым государственным институтам, к обществу, к труду, к женщинам, общепринятым нормам поведения и т. п.» [Mokienko, Walter, 2014, S. 2149].

Распространению арготической лексики способствовали, с другой стороны, известная криминализация общества в 90-е гг. XX в. и, как следствие, «расширение сферы влияния уголовного мира, обеспечивающее внедрение в общественное сознание его философии и моральных установок» [Васильев, 2003, с. 158]. Проявления этой тенденции можно наблюдать и в русской поэзии конца XX – начала XXI в., в которой арготизмы занимают большое место. Ср., например, следующий текст Тимура Кибирова («Мы говорим не дискурс, а дискурс...»), большая часть которого состоит из арготизмов, ср. *фраер*, *феня*, *финка*, *перо*, *покоцать*, *фильтруй базар* и т. д.:

Мы говорим не дискурс, а дискурс!
И *фраера*, не знающие *фени*,
трепещут и тушуются мгновенно,
и глохнет самый наглый балагур!
И словно *финка*, острый гальский смысл,
попишет враз того, кто *залупнется*!
И хватит *перьев*, чтобы всех *покоцать*!
Фильтруй базар, *фильтруй базар*, малыш!
(Т. Кибиров. Мы говорим не дискурс, а дискурс... /
Интимная лирика, 1998)

Главным средством, обеспечивающим высокую экспрессивность арго, является образность, в основе которой лежат, как правило, различные виды тропов. Наиболее употребительным из них является метафора². «Жаргон как социально-групповая подсистема принципиально ориентирован на метафору, – отмечает В. В. Химик. – Жаргон метафоричен уже по своей природе» [2000, с. 94]. Справедливость этого высказывания подтверждается многочисленными примерами. Ср. *насос* > арг. ‘алкоголик’, *мясник* > арг. ‘убийца’, *покупка* > арг. ‘кража’ и т. д. Характерно, однако, что арготические метафоры обнаруживают и некоторые особенности, отличающие

² Под метафорой в настоящей статье понимается «механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некий класс предметов, явлений и т. п. для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова, 1997, с. 233].

их от метафор литературного языка. Во-первых, метафорические переносы в аргю часто *синкретичны* по своей природе, совмещают собственно метафору и другие типы семантического преобразования значений, чаще всего метонимию. Ср., например, *мочалка* 1. 'женский половой орган'; 2. 'женщина'; 3. 'проститутка', последнее употребление – результат метонимического преобразования первого, метафорического, значения, практически соединение метонимии и метафоры. Во-вторых, в аргю значительно реже встречаются *номинативные метафоры*, т. е. обозначения новых понятий с помощью уже имеющихся языковых знаков. К числу метафор-номинаций можно отнести: а) «названия воровских специальностей» – *стекольщик* 'вор, проникающий в помещение через разбитые или выдавленные окна', *слесарь* 'квартирный вор, вскрывающий дверные замки с помощью специальных инструментов', *крот* 'вор, совершающий кражи путем подкопа', *водопроводчик* 'квартирный вор, представляющийся хозяевам сантехником' и т. п.; б) «названия воровских инструментов и приспособлений» – *вертун* 'инструмент для вскрытия несгораемых шкафов', *гусиная лапа* 'воровское приспособление в виде консервного ножа большого размера для вскрытия сейфов', *звонок* 'кашне, которым вор-карманник прикрывает руку во время кражи' и т. п.; в) «названия определенных преступных действий» – *распрягать* 'расстегивать одежду жертвы (при карманной краже)', *совершить оттырку* 'оттеснить жертву, у которой в этот момент крадется бумажник', *ударить* 'схватить тремя пальцами бумажник, высывающийся из кармана' и т. п.

Значительно чаще употребляются в аргю *характеризующие метафоры*, служащие для эмоционально-оценочного наименования уже известных понятий. Практически все предметы и явления повседневной жизни носителей аргю имеют арготические названия с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, преимущественно негативной и сниженной (вульгарной). Так, для лица, говорящего на аргю, любой человек, не относящийся к преступникам, это личность, вызывающая если не отвращение, то уж во всяком случае крайнее презрение. Человека ограбленного называют, например, *больным*, *вороной*, *дятлом*, *лохом*, *овцой*, *карасем*, *пациентом*, *фраером*, *штампом*, *чужаком* и т. п.

Эмоциональная оценочность ярко выражена в обозначениях различного рода насильственных действий и орудий насилия. Содержание образований подобного рода отличают агрессивность, ненависть и презрение к противнику, наигранное хладнокровие, за которым скрывается страх перед смертью, равнодушие к жертве и т. п. 'Нож' в русском аргю – это *перо*, *тиска*, *лезвие*, *кишкоправ*, *инструмент*, *выкидыш*; 'пистолет' – *вальё*, *дура*, *пушка*, *kozyрь*, *пукалка*, *шмаль*; 'бить' – *венчать*, *гвоздить*, *кормить*, *ломать рога*, *метелить*, *молотить*; 'убить / убивать' – *грохнуть*, *завалить*, *загасить*, *мочить*, *пришить*, *убрать*, *кокнуть*, *штокнуть*; 'умереть' –

досрочно освободиться, откинуть / отбросить коньки / копыта, надеть деревянный бушлат, скопытиться, зажмуриться и т. п.

Эмоциональность арготических названий достигает предела, когда речь заходит о лицах, которые для говорящих на арго являются врагами, – о представителях правоохранительных органов и служителях правосудия. Ненависть, агрессивность и страх, наигранное презрение, ирония, циничная издевка и виселичный юмор – таковы основные коннотативные составляющие номинаций этой группы. Для преступного мира России ‘сотрудник уголовного розыска, милиционер / полицейский’ – это *гад, дракон, жаба, лягавый, мент, мусор, дубак, душман, крысолов, пёс, фараон* и т. п.; ‘уголовный розыск, милиция / полиция’ – *абвер, гадиловка, зверинец, следячий выдел, серая банда, собачий домик* и т. п.

Объектами слов с положительной эмоциональной оценкой являются, как правило, представители криминального мира, пользующиеся уважением среди «своих». К вору в законе применяются, например, уважительные слова типа *человек, мастер, князь, маститый, честняк, законник* и т. д. Есть свои названия и для опытного вора, мастера своего дела – *аристократ, бобёр, стриж, фартовик, большой человек, уркаган* и т. д.

Положительной экспрессией обладают в арго и понятия, связанные с отдельными преступными действиями. Процесс кражи, например, представлен как тяжёлая работа, требующая обдуманного плана, хитрости, а также напора и дерзости. В русском арго это понятие передаётся следующими словами: *промышлять, работать, наворачивать, насаживать, бомбить, гастролить, крутить восьмёрку, ходить по музыке, ошкурить, подковать, штурмовать* и т. д.

Наконец, третьей особенностью арготической метафоры является наличие значительного числа *метафорических гнезд*, т. е. объединений однокоренных и тематически близких слов, синонимов и фразеологизмов, в основе которых лежит общий метафорический образ [Грачев, 1997, с. 61; Химик, 2000, с. 122]. Примеры подобных гнезд приводит, в частности, В. Ф. Трахтенберг в словаре «Блатная музыка (Жаргон тюрьмы)» (статья «Купец. Карманный вор»): «На блатном языке... карманный вор [«*купец*»] не ворует, а «*покупает*», поэтому и самый процесс кражи его называется «*купаю*», а украденный предмет «*покупкою*». [...] Воры других категорий называются уже «*торговцами*». Они «*торгуют*» товар, и посему процесс их кражи называется «*торговлею*». «*Мойцики*» [‘железнодорожные воры’] же не «*торгуют*» и не «*покупают*», а «*моют*» свою жертву, поэтому их кражи называются «*стирками*» [Трахтенберг, 1908, с. 33]. Ср. также: «*болеть* – ‘быть под судом или следствием’, отсюда *боль* – это ‘арест, задержание’, а *больной* – ‘арестованный, подследственный’; соответственно *вылечиться* или *выздороветь* – значит ‘освободиться из-под стражи’,

и сделать это можно с помощью *врача*, под которым подразумевается ‘адвокат’» [Химик, 2000, с. 123].

Все рассмотренные типы арготической метафоры, характеризующие различные стороны криминальной субкультуры, широко представлены в современной русской поэзии. В качестве первого примера рассмотрим отрывок из стихотворения В. Строчкова «Для протокола». Стихотворение является, разумеется, пародией, поражает в нем, однако, виртуозное владение автором криминальным арготом:

...Ну, как все было? Папу-короля
братан *пришил*. Большой артист. Названов.
Ну, взял *пузырь*, подкрался незаметно
и на ушко накапал на него,
что, дескать, старый белены объелся.
Тот так и обмер. Умереть – не встать!
А после, ночью, тенью объявился
(*я за базар отвечу*, видел сам)
и сыну говорит: мол, с братаном
ты *разберись*, мой Гамлет, *по понятиям*
за этот беспредел. Но мать не трожь,
хотя она, конечно, и паскуда:
из койки в койку скачет, не остыв. –
и с этими словами нахрен сгинул.
(В. Строчков. Для протокола /
Наречия и обстоятельства, 2006)

Большая часть арготизмов, употребленных Владимиром Строчковым, безусловно, хорошо знакома носителям русского языка. Так, глагол *пришить* означает ‘убить, умертвить’, *ответить за базар* – ‘нести ответственность за сказанное’, глагол *разобраться* (*разбираться*) в криминальном арготе имеет значение «выяснить (выяснить) отношения, свести счеты в криминальной среде (обычно с применением насилия, драками, убийством)», соответственно существительное *разборка* семантизируется как «выяснение отношений, сведение счетов в криминальной среде (обычно с применением насилия, драками, убийством)». В современной разговорной речи это слово употребляется в значении «выяснение обстоятельств конфликта, обсуждение спорных вопросов, разбирательство».

К числу самых популярных слов арготического происхождения относятся и лексема *беспредел*. В уголовном арготе лексема *беспредел* имеет следующую семантику: 1) ‘бывший вор в законе, переставший соблюдать какие-либо нормы поведения преступников’; 2) ‘группировка воров, отошедших от воровских традиций и обычаев’; 3) ‘вор, не принадлежащий ни к одной воровской группировке’. В языке современных масс-медиа слово *беспредел* употребляется в расширительно-переносном смысле ‘отсутствие каких-либо норм, правил, законов в общественной, политической, экономической и т. п. жизни, во взаимоотношениях между людьми’. Это новое

значение, возникшее в результате обобщения отдельных семантических признаков исходных значений, появилось, по-видимому, в молодёжном жаргоне, в котором оно фиксируется уже с середины 60-х гг. [Файн, Лурье, 1991, с. 94]. Аналогичное значение слово *беспредел* имеет и в стихотворении В. Строчкова.

В поэзию проникают обычно арготизмы, уже получившие распространение в просторечии, молодёжном жаргоне и т. п. Их значение, как правило, расширялось, ср.: *завязать* ‘бросать что-л. делать, кончать с чем-л. раз и навсегда’ (в арго ‘закончить криминальную деятельность’); *заложить* ‘выдать кому-л., открыть кому-л. чужую тайну; предать’ (в арго ‘предать (выдать) соучастников преступления’); *расколоть* ‘заставить, уговорить кого-л. что-л. купить, отдать и т. п.’ (в арго ‘заставить говорить правду (обычно преступника)’); *бабки*, *бабло* ‘деньги’; *власть*, *менты* ‘милиция, или теперь полиция’ и т. д. Ср. несколько примеров:

Дома дым коромыслом – комоды *менты* потрошат,
мемуарная сволочь шипит друг на дружку: не трогай!
Тихо в тайном отеле, только тонкие стены дрожат
от соседства с подземкой, надземкой, железной дорогой.
(Л. Лосев. Айный отель: приглашение /
Послесловие, 1998)

Бабло, бабло, кругом *бабло*...
От верха и до низа!
Оно как цель, как смысл оно...
Бабло – и ешь от пуза!
(Д. Малиновский. Бабло, бабло, кругом бабло... /
<https://www.stihi.ru/2014/01/05/5053>)

Особенно часто встречаются в поэзии следующие арготизмы: *феня* ‘язык криминального мира’, *лох* ‘наивный, глупый человек, жертва преступления’, *обуть* ‘обокрасть или обмануть кого’, *наколоть*, *кинуть* ‘обмануть’, *засветиться* ‘открыть, выдать, обнаружить себя’ и т. п. Ср.:

Проживатель единственной жизни, ослушник и мот
Выбирает себе в достояние ветер и мед.
Медуницы и осы его *обувают на бабки*.
У него получается легче и много вольней,
На него ополчаются орды сановных свиней,
Он пьянеет с полбанки...
(В. Куллэ. Паучок / Палимпсест, 2001)

Лохи живут везде и тут, и там,
Да, в сущности, и мы *лохи* все тоже.

Имеют нас и по утрам, и по вечерам,
И кстади днём, и даже бьют по роже.
(А. Когадеев. Лохи /
<http://www.stihi.ru/2008/09/27/1395>)

В процитированном тексте, а также в современном просторечии *лох* обозначает ‘наивного, доверчивого человека, простака, которого легко обмануть’. Это значение восходит к криминальному аргю, в котором *лохом* называли [‘потенциальную’] жертву преступления’. В тюремно-лагерном аргю отмечено и другое употребление этого слова: ‘добросовестно работающий заключённый’. Происхождение слова *лох* окончательно не выяснено, обычно его связывают с диал. псков. ‘разиня, шалопаи’ (Даль) или языком офеней, в котором оно обозначало ‘мужик, крестьянин’. Характерно, что это слово отмечено и в польском аргю (*loch*), в котором оно имеет следующие значения: 1) ‘мужик, крестьянин’; 2) ‘жертва преступления’ [Stepniak, 1993, s. 294].

Рассмотренные лексемы относятся к общей части криминального аргю, используемой всеми деклассированными группами. Из специализированных аргю особенно сильное влияние на русский язык оказывает через литературу, кино и прессу тюремное и лагерное аргю. Общеизвестными являются, например, следующие слова: *урка* ‘преступник, уголовник; заключенный, относящийся к преступному миру’, *зек* (зэк) ‘заключенный’, *шмон* ‘обыск, облава’, *зона* ‘место заключения осуждённых; лагерь’, *баланда*, *бурда* ‘жидкая невкусная похлёбка (обычно в тюрьме)’, *вертухай* ‘надзиратель, караульный в тюрьме или лагере’, *запетушить* ‘совершить (совершать) насильственно (по отношению к кому-либо) акт мужеложства’ и др. Почти все из названных лексем отмечены и в современной русской поэзии:

поле гадания... что выпадает? валет
или шестёрка треф но вали вперёд!
хлопоты злая дорога худые кони
иные вёрсты иные дни
берег твой дальний
там и живу я
где *вертухай* виртуальный
круговую песню поёт
сторожевую.

(В. Кривулин. Стихи в форме госгерба /
Стихи юбилейного года, 2001)

Одно из стихотворений Льва Лосева из цикла «Сонатина безумия» носит название «Allegretto: Шантеклер». ШАНТЕКЛЕР (фр. Chantecler ‘Петух’) является главным персонажем одноименной пьесы Эдмона Ростана. У Ростана Шантеклер – это певец зари, веселый и голосистый, приносящий радость, а порой и предупреждающий о тревожных событиях. Совер-

шенно иные ассоциации вызывает Шантеклер у Лосева: это ‘осуждённый, с которым совершили акт мужеложства’ и тем самым перевели его на самую низкую ступень в уголовной иерархии, т. е. туда, где находятся *козлы* ‘осуждённые, сотрудничающие с тюремной администрацией’, *суки* ‘преступники, порвавшие с «ворами в законе»; предатели преступников’ и *петухи* ‘осуждённые, с которым совершили насильственный половой акт; пассивные гомосексуалисты’. Ср.:

Портянку в рот, коленкой в пах, сапог на харю.
Но чтобы сразу не подох, недодушили.
На дыбе из вонючих тел бьюсь, задыхаюсь.
Содрали брюки и белье, *запетушили*.
Бог смял меня и вновь слепил в иную особь.
Огнеопасное перо из пор попёрло.
Железным клювом я склевал людскую россыпь.
Единый мелос торжества раздул мне горло.
Се аз реку: кукареку. Мой красный гребень
распространяет холод льда, жар солнцепёка.
Я певень Страшного Суда. Я юн и древен.
Один мой глаз глядит на вас, другой – на Бога
(Л. Лосев. Аллегретто: Шантеклер /
Новые сведения о Карле и Кларе, 1996)

Вторая часть стихотворения Л. Лосева представляет собой очевидную аллюзию на произведение А. С. Пушкина «Пророк». И в том, и в другом случае речь идёт о преобразении человека в «иную особь», способную «глаголом жечь сердца людей» (у Пушкина) и «склевать людскую россыпь», «распространять холод льда, жар солнцепёка» и т. д. (у Лосева). Но если у Пушкина это преобразование описано библейской лексикой и фразеологией («шестикрылый серафим», «вещие зеницы», «вырвать грешный язык», «вложить жало мудрыя змеи» и т. п.), то Лосев использует для этого средства тюремно-лагерного жаргона: *запетушить* ‘совершить насильственно по отношению к осуждённому акт мужеложства’. В современной разговорной речи вместо слова *запетушить* чаще употребляется глагол *опустить* в значении «тяжело оскорбить, унижить достоинство личности», при этом соотнесённость с арготическим значением – ‘совершить с кем-л. акт мужеложства или позорящие его действия (например, окунуть головой в унитаз (*парашу*))’ – несомненно, стимулирует использование этого слова.

Через молодёжный жаргон в поэзию проникли некоторые слова и выражения из жаргона наркоманов, ср.: *сидеть на игле* ‘регулярно употреблять наркотики (внутривенно)’, *колоться* ‘употреблять внутривенно наркотики’, *ловить кайф* ‘получать удовольствие; приходиться в состояние

блаженства (первоначально – после принятия наркотиков)’, *колеса* ‘наркотики в форме таблеток’, *косяк* ‘сигарета или папироса с наркотическим веществом’, *обдолбанный* ‘в состоянии наркотического опьянения’ и т. д. Ср., например:

И если мысль не равнозначна слову,
тогда зачем мы *ловим этот кайф*?
(А. Еременко. Блатной сонет /
Невенко сонетов, 1991)

Прапорщик, пройдя афган,
разве что-нибудь напишет,
до смерти он жизнью выжат
и *обдолбан*, коль не пьян
(В. Кривулин. Где же наш новый Толстой? /
Стихи юбилейного года, 2001)

Когда-то думал о семье,
О доме маленьком, уютном,
Теперь я плотно *на игле*,
и жизнь моя в растворе мутном.
Хотел другую жизнь прожить,
Другую выбрал я дорогу,
Но удалось *игле* сломить,
И душу я отдам не Богу.
(Е. Галицкий. На игле /
<http://www.stihi.ru/2006/05/04-1209>)

С арго наркоманов связано, по-видимому, и выражение *оттягиваться / оттянуться по полной [программе]* ‘приятно проводить время, отдыхая, расслабляясь’. Глагол *оттягиваться / оттянуться* означает в языке наркоманов ‘принимать наркотики’ [Вальтер, Мокиенко, 2007, с. 478]. Учитывая разговорное значение слова *тянуть* ‘медленно, с наслаждением курить, вдыхая табачный дым’ (*тянуть сигарету*; ср. также у В. Высоцкого: «Ах! Время – как махорочка, / Всё *тянешь, тянешь*, Жорочка...»), можно предположить, что *оттягиваться* первоначально имело значение ‘курить сигарету или папиросу с наркотическим веществом (марихуаной или гашишем)’. Иное объяснение переносного значения слова *оттягиваться* находим у М. А. Грачёва [2003, с. 636], который связывает его с арготическим *оттягивать* ‘совершать половой акт’. Фразеологизм *оттягиваться / оттянуться по полной [программе]* особенно популярен в языке молодёжи, из которого он и попал в современную поэзию. Ср.:

Сникерснуть
Сделать паузу – скушать Твикс
Оттянуться по полной

Почувствовать разницу
Попробовать новый изысканный вкус
(Т. Кибиров. Инфинитивная поэзия /
Кара-барас, 2006).

Как видим, лексемы арготического происхождения, хлынувшие в русский язык в последние десятилетия XX в., заняли прочное место среди экспрессивных единиц словарного состава языка. Попав сначала – чаще всего через язык молодежи – в просторечие и затем в разговорную речь, они расширили свою семантику и вышли тем самым за рамки узкой функциональной сферы. Благодаря этому они способствовали знакомству, а затем и широкому распространению криминальной субкультуры в современном русском обществе. Как показывают примеры, такие слова, как *беспредел*, *тусовка*, *раскрутить*, *откат* и многие другие утрачивают в современной разговорной речи признаки своего «низкого» происхождения и широко употребляются в качестве метких, экспрессивных выражений. Об этом свидетельствуют и многочисленные контексты их употребления в современной русской поэзии.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Метафора // Русский язык: Энциклопедия / Ю. Н. Караулов (ред.). М.: Больш. рос. энцикл.; Дрофа, 1997. С. 233–236.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. М.: Аст; Восток – Запад, 2007. 832 с.
- Васильев А. Д.* Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта; Наука, 2003. 224 с.
- Грачев М. А.* Русское арго. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. 246 с.
- Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского арго. М.: Рипол Классик, 2003. 1120 с.
- Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 175–189.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 717 с.
- Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы) / И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред., предисл.). СПб.: тип. А. Г. Розена, 1908. 116 с.
- Файн А. П., Лурье В. Ф.* Всё в кайф. Л.: [б. и.], 1991. 196 с.
- Химик В. В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. 269 с.
- Шаламов В. Т.* Колымские рассказы // Шаламов В. Т. Собр. соч. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 2. 619 с.

Mokienko V., Walter H. Soziolekte in der Slavia. In: Die slavischen Sprachen / S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.). Berlin: de Gruyter Mouton, 2014, Bd. 2, S. 2145–2170.

Olejnik A. N. Gefängnis und Gesellschaft. Die institutionelle Kongruenz von Gefängniskultur und russischer Wirtschaft und Gesellschaft // Berliner Journal für Soziologie. 2005. Heft 3. S. 331–350.

StępniaK. Słownik tajemnych gwar przestępczych. London: Puls Publications, 1993. 735 s.

Article metadata

Title: Transfers of Criminal Subculture into Russian Poetry at the End of the 20th – the Beginning of the 21st Century

Author: A. Bierich

Author's e-mail: bierich@uni-trier.de

Author's affiliation: Universität Trier

Abstract. The transfer of criminal subculture into every day's awareness of the common Russian population is exceptional for this country's society at the end of the 20th and the beginning of the 21st century. The reasons for this phenomenon vary: Firstly, political and social changes of the last decades in eastern Europe have left their marks on language. The freedom of press, which had been eagerly anticipated, lead to the emergence of newer and broader classes of society that express themselves in varieties of the substandard and were now able to participate in public discourse. Secondly, the engagement with the country's history which encompasses deportations, gulag and stalinist repressions, a topic which was promoted as "fashionable" in the 90s, lead to the distribution of the criminal subcultures. This development facilitated the emergence of countless scientific papers, novels and memoirs of repression victims, dealing with the subject matter of prisons and camps. Expressions of the prison, camp and thieves' argot could enter the colloquial language not only through the press and the performances of public figures, but also through the mentioned literature, as well as through countless gangster films, television series about bandits and militias as well as criminal novels that have been read by all social classes, sexes and age groups. With its high number of argotisms and jargonisms, Russian poetry of the late 20th century does not form an exception of the described influence. This paper deals in detail with the usage of the argotic lexis in modern Russian poetry which represents the transfer of the criminal subculture into the poetic language.

Key terms: transfer, criminal subculture, Argot, types of Argotisms, contemporary Poetry, stylistic use of argotisms.

Reference literature (in transliteration)

Arutyunova N. D. Metafora. In: Karaulov Yu. N. (ed.). Russkij yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa, 1997, p. 233–326. (in Russ.)

Fajn A. P., Lurie V. F. Vse v kajf [It's all high]. Leningrad, 1991, 196 p. (in Russ.)

Grachev M. A. Russkoe argo [Russian Argot]. N. Novgorod, N. A. Dobrolyubov NSLU Publ., 1997, 246 p. (in Russ.)

Grachev M. A. Slovar' tysyacheletnego russkogo argo [The dictionary of a thousand-year-old Russian Argot]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2003, 1120 p. (in Russ.)

Khimik V. V. Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyj fenomen [Poetics of low or vernacular as a cultural phenomenon]. St. Petersburg, Filol. fak. St. Petersb. gos. un-ta, 2000, 269 p. (in Russ.)

Larin B. A. O lingvisticheskom izuchenii goroda. In: Larin B. A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1977, p. 175–189. (in Russ.)

Mokienko V., Walter H. Soziolekte in der Slavia. In: Kempgen S., Kosta P., Berger T., Gutschmidt K. (Hrsg.). Die slavischen Sprachen. Berlin, de Gruyter Mouton, 2014, Bd. 2, S. 2145–2170.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona [Big dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 717 p. (in Russ.)

Olejnik A. N. Gefängnis und Gesellschaft. Die institutionelle Kongruenz von Gefängniskultur und russischer Wirtschaft und Gesellschaft. *Berliner Journal für Soziologie*, 2005, Bd. 3, S. 331–350.

Shalamov V. T. Kolymskie rasskazy. In: Shalamov V. T. Sobranie sochine-nij [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura; Vagrius, 1998, vol. 2, 619 p. (in Russ.)

Stepniak K. Słownik tajemnych gwar przestępczych [Dictionary of secret criminal languages]. London, Puls Publications, 1993, 735 p. (in Pol.)

Trakhtenberg V. F. Blatnaya muzyka ("Zhargon" tyur'my). [Blat music (Prison Jargon)]. Ed. by I. A. Boduen de Kurtene. St. Petersburg: Tip. A. G. Rozena, 1908, 116 p. (in Russ.)

Valter Kh., Mokienko V. M. Bol'shoj russko-nemetskij slovar' zhargona i prostorechij [Big Russian-German dictionary of jargon and vernaculars.] Moscow, Ast; Vostok-Zapad, 2007, 832 p. (in Russ.)

Vasiliev A. D. Slovo v rossijskom teleefire. Ocherki novejshego slovo-upotrebleniya [The word is on Russian TV. Essays of the newest word use]. Moscow, Flinta; Nauka, 2003, 224 p. (in Russ.)